

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 2

Весна 2015

Россия и Кавказ	1
<i>Р. Крейг Нейшн</i>	
Нормы против интересов: двусмысленный характер демократической кондициональности НАТО в Армении.....	14
<i>Шалва Дзедзизашивили</i>	
Южный Кавказ между Россией и Западом: насколько прагматичны подходы заинтересованных сторон?.....	41
<i>Гаянэ Новикова</i>	
Россия, ЕС и Южный Кавказ: разработка эффективной всеохватной схемы региональной безопасности, основанной на сотрудничестве.....	57
<i>Эльхан Нуриев</i>	
Прохождение Южного Кавказа через беспокойные воды к региональной интеграции	71
<i>Джордж Влад Никулеску</i>	
Россия против ЕС/США в случаях Грузии и Украины	83
<i>Давид Мацаберидзе</i>	
Евразийский Экономический Союз и трудности интеграции: случай Южной Осетии и Абхазии	95
<i>Елизавета Егорова и Иван Бабин</i>	
Возвращение к Вавилонскому столпотворению: гонка интеграции на Южном Кавказе	106
<i>Хайдемария Гюрер</i>	

Прохождение Южного Кавказа через беспокойные воды к региональной интеграции

Джордж Влад Никулеску *

Как и другие части Евразии,¹ Южный Кавказ сталкивается с новым видом геополитической конкуренции, переплетенной с тремя развивающимися вызовами:² 1) расширяющимся идеологическим разрывом между Россией и Западом; 2) хроническим наличием затянувшихся конфликтов; 3) дилеммой постсоветских государств: европейская или евразийская интеграция.

Геополитический ландшафт Южного Кавказа, в частности, определяется:

1. Геополитическим соперничеством между Россией и Западом в свете продолжающегося украинского кризиса, который на практике привел к окончанию эры европейской безопасности, основанной на сотрудничестве.
2. Увеличивающейся региональной активностью России, при которой Евразийский Экономический Союз (ЭЭС) во все большей степени используется как средство для противодействия движению к европейской интеграции, тогда как разрешение конфликта под эгидой ОБСЕ манипулируется для создания геополитических рычагов влияния на страны региона.
3. Молчаливым, удобным обеим сторонам российско-турецким партнерством, в основном мотивированным тем, что обе стороны сфокусированы на разных фронтах: Россия ангажирована геополитической конфронтацией с Западом по поводу Украины, тогда как Турция поглощена неясным развитием на Ближнем Востоке (в частности, в Сирии и Ираке).
4. Неспособностью ЕС играть, или по крайней мере заявлять, что играет, более активную региональную роль из-за его собственных институциональных ограничений и отсутствия желания принимать участие в новых миссиях ОПБО после кризиса евро.
5. Роли НАТО, ограниченной по собственной инициативе до сотрудничества в сфере мягкой безопасности в формате «28+1», обусловленной переориентированием на сдерживание и оборону территории своих восточных членов против возрождающейся России и фактом, что регион имеет мень-

---

* Джордж Влад Никулеску является сопредседателем Исследовательской группы по региональной стабильности на Южном Кавказе и руководителем по исследованиям Европейского геополитического форума.

¹ Здесь и далее термин «Евразия» используется для обозначения территории бывшего Советского Союза за исключением прибалтийских государств.

² Подробнее см. George V. Niculescu, "The Evolving Challenges in Eurasia," Brief Analysis, Center for East European and Asian Studies, 5 March 2013, доступно на <http://www.cseea.ro/publicatii/view/brief-analysis/the-evolving-challenges-in-eurasia>.

ший стратегический приоритет в условиях сворачивающейся операции ISAF в Афганистане.

В целом, геополитическая конкуренция между Россией и Западом по поводу Украины может иметь негативные последствия для Южного Кавказа: она может или заморозить нынешнее статус-кво, или может свергнуть его в водоворот нестабильности вокруг Украины. Для такого анализа решающее значение имеют два фактора:

1. Прогресс России в обеспечении геополитического контроля Украины как будто поддерживает первую возможность. В противном случае, столкнувшись с безвыходным положением на Украине, Москва должна решить стратегическую дилемму: или расширять конфронтацию с Западом или укреплять статус-кво, чтобы избежать недовольства Турции и предотвратить предпринятие мер с ее стороны.
2. Молчаливое согласие Турции с российскими вторжениями на Украину также может благоприятствовать закреплению статус-кво на Южном Кавказе, хотя бесстыжая реакция Анкары – через НАТО или напрямую – может драматически усилить риск нестабильности на Южном Кавказе.

Какие изменения стратегической политики могли бы предпринять руководители Запада на фоне этого сложного и вызывающего глубокое беспокойство регионального ландшафта для консолидирования своей позиции в качестве сильного игрока на Южном Кавказе? С методической точки зрения, я рассматриваю эти вопросы через призму развивающихся вызовов в Евразии.

Нерешенные проблемы европейской безопасности остаются

Геополитическую конкуренцию между Россией и Западом можно было ожидать после того, как Президент Путин в апреле 2005 года заявил: «Прежде всего, мы должны признать, что распад Советского Союза был главной геополитической катастрофой века. Для российской нации он стал настоящей драмой. Десятки тысяч наших сограждан и соотечественников оказались вне российской территории».³ В этих словах содержались семена новой конфронтации, касающейся целей и стратегии нового российского возрождения.

Однако, это заявление было сделано после двух раундов расширения НАТО (1997 и 2004) и после взрывного расширения Европейского Союза (2004). Более того, оно было сделано после Розовой и Оранжевой революций в Грузии и на Украине, соответственно, приведших к власти прозападных лидеров, которые стремились к членству в НАТО и ЕС для своих стран. В ответ в 2007 году Россия приостановила выполнение Соглашения о КВСЕ, а летом 2008 начала и выиграла

---

³ Vladimir Putin, “Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation,” 25 April 2005, The Kremlin, Moscow, доступно на http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2005/04/25/2031_type70029type82912_87086.shtml.

Пятидневную войну против Грузии. После нее Москва признала «независимость» Абхазии и Южной Осетии. Российско-грузинская война была ответом России на решение бухарестского саммита НАТО 2008 года принять Грузию и Украину в качестве кандидатов на вступление в НАТО.

Как приостановление выполнения Договора о КВСЕ, так и признание независимости отколовшихся грузинских республик содержали очень ясное геополитическое послание Москвы: Россия была недовольна нынешней организацией европейской безопасности, построенной вокруг Декалога ОБСЕ, и больше не считала себя связанной выполнением своих договорных обязательств. В 2009 году Дмитрий Медведев, президент России в то время, предложил обсудить новый Договор о европейской безопасности, предположительно имея в виду создание общего единого пространства в евроатлантическом регионе с тем, чтобы окончательно покончить с наследством Холодной войны. В этом плане Медведев предложил специализировать в международном праве принцип неделимой безопасности в качестве юридического обязательства, согласно которому ни одно государство или международная организация, функционирующие в евроатлантическом регионе, не имели право усиливать свою безопасность за счет других (государств или организаций). В конечном итоге, страны Запада отвергли это предложение России, так как посчитали, что оно может воспрепятствовать дальнейшим расширениям НАТО и ЕС.

В том же самом году ЕС начал осуществление инициативы Восточное партнерство, направленной на создание условий для ускорения политической ассоциации и дальнейшей экономической интеграции шести стран-партнеров из Евразии. Эта инициатива ЕС была воспринята Россией, во-первых, как геополитический процесс из-за широкоохватных последствий того, что ЕС считал чисто техническим, нормоустанавливающим процессом модернизации, и во-вторых, как конкурент евразийской интеграции бывшего советского пространства.

В декабре 2013 года, после саммита Восточного партнерства в Вильнюсе, где бывший президент Янукович на последней минуте отказался подписать Соглашение об ассоциации с ЕС, начался украинский кризис. После протестов прозападных украинцев на Евромайдане и неожиданного свержения Януковича украинской Радой, Москва без лишнего шума аннексировала Крым. Она так же поощряла и поддерживала прорусских повстанцев в Восточной Украине, к совершенному ужасу Запада, который ответил волной экономических и политических санкций. В настоящий момент пространство от Ванкувера до Владивостока охвачено новым геополитическим соперничеством Восток-Запад, и в формировании будущей судьбы Евразии верх взяла *Realpolitik*, а не безопасность, основанная на сотрудничестве.

Идеологический разрыв между Россией и Западом

За последние несколько лет многие международные наблюдатели отмечали расширяющийся разрыв между восприятиями на Западе и в России вопросов демократии и индивидуальных прав и свобод. Похоже, Россия и Запад втянулись в еще

одну идеологическую борьбу, подобную той, что имела место во времена Холодной войны. Разница в том, что сейчас Москва поддерживает некое сочетание государственного национализма и авторитарного традиционализма с тем, чтобы противодействовать западной поддержке демократии и индивидуальным свободам в Евразии. Кое-кто просто называют преобладающую ныне российскую идеологию «антиамериканизмом».

Россия не только пошла в ошибочном направлении в смысле признания ценностей демократии и индивидуальных прав и свобод, но так же начала проецировать то негативное влияние за пределами своих границ:

С тех пор как Россия начала задавать тон, Евразия (включая страны бывшего Советского Союза минус прибалтийские республики) стала конкурентом Ближнего Востока в качестве одной из самых репрессивных зон на земном шаре. Действительно, Евразия во многих отношениях является наименее свободным субрегионом в мире, с учетом того, что в большинстве из 12 ее стран прочно закрепились авторитарные режимы.⁴

Президентские выборы 2013 года в Грузии дали лучшие в Евразии рейтинги по шкале Свободы в мире, получив статус «Частично свободных» и оценку 3 за политические и гражданские права (по семибалльной шкале, в которой 1 самая высокая оценка). Они были широко восприняты как честные и справедливые, отмечая следующий шаг в сторону консолидации демократии. Междувременно, под сильным российским влиянием Армения отказалась от планов подписать Соглашение об ассоциации и углубленной и всеохватной зоне свободной торговли (УВЗСТ) с ЕС и вместо этого решила присоединиться к Евразийскому таможенному союзу. Она сохранила тот же статус «Частично свободной» и те же оценки за политические и гражданские права, которые имела в предшествовавших годах (5 и 4, соответственно). Более того, Азербайджан получил статус «Несвободный» из-за низких оценок по политическим правам (6 по семибалльной шкале) и его рейтинга по гражданским свободам, которые снизились от 5 до 6, из-за нарушения прав на собственность и из-за жестких мер против оппозиции и против гражданского общества в свете президентских выборов.

Под руководством умеренной исламистской Партии справедливости и развития (АКП) Турция, как и Россия, показывает определенную несовместимость с европейскими демократическими ценностями. Хотя начало 2000-х давало надежды сторонникам демократии и индивидуальных прав и свобод в Турции, тесно связанные со стремлением к европеизации, в последние годы намечается обратная тенденция: «Турция пережила видимое ухудшение состояния некоторых из основных опор, поддерживающих баланс сил, например средств массовой информации и судебной системы».⁵ Приверженность к демократическим принципам и евро-

---

⁴ Freedom House, "Freedom in the World 2013: Democratic Breakthroughs in the Balance," доступно на <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2013>.

⁵ Diba Nigar Göksel, "Turkey and the EU: What Next?" The German Marshall Fund of the United States, "On Turkey" series, 5 December 2012.

пейской интеграции существенно ослабли среди большинства политических сил, а также и в общественном мнении. Более того, стало ясно, что турецкие лидеры не считают себя почитателями Запада ни в смысле управления внутренними делами, ни в вопросах внешней политики. Но все-таки огромная разница между отношением Москвы и Анкары к Западу состоит в том, что тогда как Москва занимает конфликтующую позицию к Западу почти всегда, Анкара показывает себя более прагматичной: в отличие от России, Турция «является силой, с которой Запад может работать. [...] [хотя] когда Турция и Запад действительно сотрудничают, это так потому, что их интересы совпадают, а не из-за общих ценностей».⁶

Нынешняя геополитическая конкуренция между Россией и Западом, вероятно, в следующие годы ухудшит состояние демократии на Южном Кавказе. Может оказаться, что «российская интервенция в Украине, которая доходит до военных действий, открыто попирает принципы, на которых зиждется порядок в Европе после Холодной войны, бросает вызов как Европейскому Союзу, так и Соединенным Штатам. Подход «победитель получает все» подрывает перспективы на установление функционирующих либеральных демократий вокруг периферии ЕС».⁷ Более того, «как следствие включения безопасности и стабильности в первые пункты повестки дня стран ЕПС, украинский кризис так же вытеснил демократию и демократизацию в нижнюю часть списка их приоритетов».⁸

На демократию на Южном Кавказе оказывают влияние и другие факторы. К примеру, затянувшийся экономический кризис в ЕС и преувеличенная занятость своим собственным будущим затуманила его привлекательность в качестве модели для восточных европейских соседей. Другие внешние влияния, в том числе и нетолерантные формы религиозного активизма и крайнего национализма, подпитываемые затянувшимися региональными конфликтами, во все большей степени формируют политику стран региона. Кроме того, машина российской пропаганды подчеркивает «слабости» западных обществ, и усилия и жертвы, которые должна сделать данная страна, чтобы присоединиться к Западу, а «скучные, слабые ответы европейцев и национальных правительств неэффективно противодействуют про-никновенным, ярким посланиям России».⁹

Следовательно, если он продолжит свою нынешнюю политику неустанного подчеркивания зависимости более сильного ангажирования региональными акторами от демократического статуса, Запад рискует изолировать себя от Евразии как «странный мальчик в классе». Все более очевидно, что в этих обстоятельствах поддержка либеральных демократических стандартов для политических прав на

⁶ Svante Cornell, Gerald Knaus, and Manfred Scheich, *Dealing with a Rising Power: Turkey's Transformation and Its Implications for the EU* (Brussels: Centre for European Studies, 2012).

⁷ Michael Leigh, "A Strategy for Europe's Neighborhood," The German Marshall Fund of the United States, *Europe Program Policy Brief* 1:1 (September 2014).

⁸ Alina Inayeh, Daniela Schwarzer, and Joerg Forbrig, eds., *Regional Repercussions of the Ukraine Crisis* (Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2014).

⁹ Там же.

Южном Кавказе может стать обузой для Запада, так как они будут сильно подрывать его влияние при формировании региональных ангажементов. Чтобы сохранить свою позицию в делах на Южном Кавказе, Запад должен несколько приглушить свою критичность к «недемократической системе управления» и заменить ее прагматической целью защиты экономических интересов и интересов в сфере безопасности региона. Поддержание минимального стандарта для наблюдения над гражданскими правами может дать решение, позволяющее сохранить лицо в попытке как-то ответить на прежние обязательства. Это так же подразумевало бы выход на новые договоренности в соответствии с общими интересами, не обязательно основанными на принятии общих ценностей. К примеру, для консолидации регионального управления на Южном Кавказе может быть необходимо повышение уровня взаимодействия с Азербайджаном.

Может потребоваться многополярный подход к более широкой евразийской геополитике, поскольку в предстоящие годы уменьшение западного влияния в мире может ухудшить параметры глобальной стабильности. Пропаганда универсальности западных ценностей может ускорить такие негативные изменения. Возможно, признание демократических ценностей позволит удержать нынешних западных союзников, тогда как прагматический подход к демократическим ценностям может привлечь новых союзников и разрушить потенциал для создания антизападных альянсов. В этом плане следует рассмотреть и рычаги влияния, которые можно было бы создать, поддержав расширение участия в делах Евразии Ирана, Индии и Китая, а не только России и Турции.

Разрешение затянувшихся конфликтов

Неразрешенные конфликты на Южном Кавказе (в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе) подрывают усилия, направленные на установление эффективного регионального сотрудничества и генерируют региональную нестабильность и асимметричные риски для безопасности. Существующие механизмы менеджмента конфликтов все еще не дали ожидаемых результатов, что, скорее всего, связано с нехваткой стратегического регионального лидерства. В стремлении к лучше скоординированному стратегическому руководству существующих механизмов менеджмента конфликтов международные эксперты взывали к России, Соединенным Штатам и Европе оживить разрешение конфликтов в евроатлантическом регионе. Для этой цели в качестве примеров часто приводят разработку новых средств усиления дипломатии, дополняющих традиционные переговоры вкладом гражданского общества, и созданием общественной поддержки мирного разрешения конфликтов.

За последнее десятилетие турецкая внешняя политика, сформированная нынешним премьер-министром Ахмедом Давутоглу, сместила фокус к принятию участия в делах всех соседних регионов как средства получения признания Турции региональной силой в Европе, на Ближнем Востоке, Балканах, Кавказе, Центральной Азии, Средиземноморье, Заливе и Черном море. Действительно, это множество региональных идентичностей подталкивало Турцию к многосторонней

внешней политике, направленной на «развитие хороших соседских отношений со всеми, на замену разногласий сотрудничеством, на поиск инновативных механизмов и каналов для разрешения региональных конфликтов, на поощрение позитивных региональных перемен, на строительство межкультурных мостов диалога и понимания».¹⁰ По мнению многих экспертов, Турция заслуживает более значимой роли в разрешении затянувшихся конфликтов на Южном Кавказе. С другой стороны, до сих пор Турция принимала только минимальное участие в разрешении конфликтов, частично чтобы защитить свое стратегическое партнерство с Россией от потенциально спорных вопросов, частично из-за того, что ее участие не приветствовалось некоторыми местными, региональными и международными акторами.

Россия стала проблемой для Европы после того, как система ОБСЕ уже не смогла осуществлять свои функции в эпоху после Холодной войны, когда Москва начала пытаться ставить свои собственные условия в отношениях с Европой в сфере безопасности. НАТО и ЕС принесли мир в бывшую Югославию, тогда как ОБСЕ последовательно терпела неуспехи в разрешении конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Приднестровье. Москва просто игнорировала Декларацию ОБСЕ по Украине/Крыму и Грузии, в то же время оправдывая себя тем, что другие уже сделали то же самое (т.е. НАТО в Косово).

Хроническое наличие затянувшихся конфликтов на Южном Кавказе (и в Приднестровье) можно рассматривать как отказ России принять правила ОБСЕ. Можно провести параллель между продолжающимся украинским кризисом и затянувшимися конфликтами на Южном Кавказе и в Приднестровье. Во всех этих случаях Россия без лишнего шума препятствовала мирному решению этих конфликтов, формально продолжая играть роль миротворца/поставщика гуманитарной помощи. Москва может продолжить делать то же самое, пока с Западом не будет договорена более благоприятная геополитическая конфигурация системы Европейской безопасности. В противном случае, она может использовать политику *fait accompli* (свершившегося факта), таким образом разрешая затянувшиеся конфликты на своих собственных условиях, не считаясь с тем, что говорят или делают ОБСЕ и ее другие члены. Русские уже реализовали этот сценарий в Крыму и в Восточной Украине, и они могут применить его и на Южном Кавказе. Однако, «Этот регион, (т.е. область Восточного партнерства) нуждается в такой архитектуре безопасности, которая учитывала бы текущие проблемы и требует решительных действий со стороны Запада по разрешению замороженных конфликтов».¹¹ Следовательно, Запад мог бы взять на себя более проактивную и творческую роль в разрешении конфликтов на Южном Кавказе. К примеру, он может рассмотреть инициирование многосторонних переговоров с властями Сухуми, Цхинвали и Тбилиси о кондициональном признании суверенитета и территориальной целостности

¹⁰ Valeria Giannotta, "Turkish Foreign Policy Evolution and Goals under the AKP Government," *Balkananalysis.com*, 19 January 2012, доступно на <http://www.balkananalysis.com/turkey/2012/01/19>.

¹¹ Inayah, et al., *Regional Repercussions*.

Абхазии и Южной Осетии, и более решительно предложить использование военных миротворческих ресурсов и способностей ЕС для разрешения конфликтов на Южном Кавказе.

Разрешение конфликтов на Южном Кавказе может действительно стать проверкой для разработки новых правил и механизмов европейской безопасности, которые могли бы интегрировать Россию и Турцию способом, отличным от того, который применялся после конца Холодной войны. В этом плане, Запад должен более активно работать с Россией и Турцией по разрешению затянувшихся конфликтов на Южном Кавказе с целью преодолеть хронически тупиковую ситуацию, которая имеет место с конца Холодной войны. Многосторонний подход может обеспечить более эффективную региональную стратегическую координацию существующих механизмов менеджмента кризисов, укрепить региональную ответственность на мирные процессы, в частности путем развития и применения совместной постконфликтной региональной концепции, и даже преодолеть страх от навязанных Россией решений у некоторых местных акторов.

Однако, путь к этой цели может оказаться нелегким, имея в виду неготовность России адаптировать свою политику разрешения конфликтов к многосторонним подходам, в частности в Грузии. Это крутая дорога, учитывая неразрешенные проблемы Турции с некоторыми из сторон этих затянувшихся конфликтов, прежде всего с Арменией. Более того, нынешняя внешняя политика США дает низкий приоритет разрешению конфликтов на Южном Кавказе, и у ЕС есть институциональные ограничения, касающиеся его участия в менеджменте и разрешении конфликтов в соседних с ним государствах, и он не в состоянии «осуществлять широкий спектр военных миссий для защиты своих интересов и проецирования своих ценностей».¹²

Дилемма европейской или евразийской интеграции постсоветских государств

Шаги, предпринятые Россией, Белоруссией и Казахстаном для реализации евразийских интеграционных процессов, вызвали подозрение Запада о появлении геополитического проекта, направленного на восстановление Советского Союза (или царской империи) в новом институциональном облики. В результате появился западный миф об Евразийском Экономическом Союзе (ЕЭС) в качестве средства для ресоветизации Евразии. Такая интерпретация не находит подтверждения в практике Евразийского Таможенного Союза (ЕТС) до настоящего времени. Однако, согласно большинству экспертов, проект ЕЭС может развиваться в сторону более глубокой политической интеграции.

Как бы там ни было, события, имевшие место в периоде между вторжением в Грузию и вооруженным захватом украинской территории в 2014 году, заставили высших чиновников и специалистов по международным делам по всему свету

---

¹² Daniel Keohane, “Strategic Priorities for EU Defence Policy,” *FRIDE Policy Brief* No. 146 (2013).

допустить возможность того, что Российская Федерация под руководством Владимира Путина реорганизует всю свою внешнюю и внутреннюю политику для достижения одной цели, а именно учреждения некоего союза, охватывающего бывшие советские республики, возглавляемого самой Россией.¹³

Кроме того, эксперты подчеркивают явную несовместимость соглашений о УВЗСТ, подписанных ЕС и несколькими постсоветскими государствами, и обязательствами, которые возьмут на себя члены ЭТС (нынешний предшественник ЕЭС). Эта несовместимость очевидно ставит постсоветские государства перед дилеммой вести свободную торговлю с ЕС или присоединиться к ЕТС/ЕЭС, и в то же время заставляет Россию и Запад сосредоточивать внимание на геополитическом соперничестве.

Турция занимает уникальную позицию в отношении европейской интеграции и торговли с Россией: с одной стороны, Анкара связана таможенным союзом с Европейским Союзом, хотя перспективы на полноправное членство в ближайшем будущем минимальны. С другой стороны, за последнее десятилетие Турция развила оживленные экономические и торговые отношения с Россией. С 2001 года двусторонний торговый обмен увеличился в семь раз, что сделало Россию вторым по величине (после ЕС) торговым партнером Турции. У Анкары нет более оптимального варианта политики, кроме как быть основным заступником региональной экономической интеграции и стремиться к тому, чтобы Черноморское Экономическое Сотрудничество (ЧЭС) стало эффективным инструментом для достижения этой цели. За последний год, или около этого, Турция пошла еще дальше в смысле экономической ассоциации с Россией. В ноябре 2013 года Президент Реджеп Тайип Эрдоган обратился к Президенту Путину с просьбой о содействии для присоединения к Шанхайской Организации Сотрудничества. Более того, в июне 2014 года Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев официально пригласил Турцию присоединиться к ЕЭС. Это приглашение, сделанное политическим лицом, которое 20 лет назад первым предложило евразийский экономический интеграционный проект, могло быть обусловлено необходимостью получить внешние гарантии того, что ЕЭС не превратится в предшественника новой российской империи. В качестве непрямого ответа на это приглашение, в июле 2014 года, во время двусторонних переговоров с российскими партнерами на полях встречи министров торговли G20 в Сиднее (Австралия), турецкий министр экономики Нихат Зейбекчи предложил создать зону свободной торговли между Турцией и ЕЭС. Обсуждение этого предложения на уровне экспертов, возможно, уже началось в конце сентября.

Страны Южного Кавказа сильно разделены в своих подходах к дилемме европейской или евразийской интеграции, и нынешняя геополитическая конкуренция

---

¹³ S. Frederic Starr and Svante E. Cornell, eds., *Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents* (Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2014).

между Россией и Западом заставляет их принимать решения, которые они не желают принимать. Первой «жертвой» была Армения.

Заявление о решении Армении присоединиться к возглавляемому Россией Евразийскому Таможенному Союзу (ЕТС), сделанное Президентом Сержом Саргсяном в Москве в начале сентября 2013 года после завершения продолжительных четырехлетних переговоров с ЕС о Соглашении об ассоциации и УВЗСТ, стало для многих неожиданностью. Однако, эксперты по Южному Кавказу уже много лет знали, что Ереван бесповоротно связал свою безопасность и экономику, и в особенности сектор энергетики, с Россией. На практике, Армения предпочла частично пожертвовать своей независимостью и суверенитетом во имя сохранения удобного *статус-кво* в улаживании нагорно-карабахского конфликта за счет предотвращения сдвига стратегического баланса в сторону Азербайджана. Через год, 10 октября 2014 года, на саммите в Минске (Беларусь), Президент Саргсян подписал договор о принятии Армении в ЕЭС. Однако, Ереван продолжает стремиться к европейской интеграции, с учетом своих новых торговых обязательств пытается заключить Облегченное соглашение об ассоциации или Соглашение о партнерстве и сотрудничестве плюс.

Тогда как Армения присоединилась к ЕЭС, став тем, что эксперты называют «неохотным последователем» евразийского интеграционного проекта, Грузия выбрала путь европейской интеграции за счет евразийской интеграции. 27 июня 2014 года премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили подписал Соглашение об ассоциации и УВЗСТ с ЕС, таким образом присоединившись, наряду с Украиной и Молдавией, к группе, которую эксперты называют «Европейскими интеграторами». Хотя Соглашение об ассоциации не гарантирует полноправного членства в ЕС, они углубляют политические и экономические отношения ЕС с восточными партнерами и постепенно интегрируют эти страны в международный европейский рынок.

Тем временем Азербайджан, похоже, присоединился к так называемой группе «отказников» (включающую еще Туркменистан и Узбекистан), которые просто предпочитают оставаться в стороне от любой формы региональной интеграции, пытаясь вместо этого стать все более самодостаточными. Экономические анализы практически единодушны в том, что благодаря структуре азербайджанской экономики, в основном поддерживаемой экспортом энергоносителей в Европу, «негативы [последствия членства в ЕЭС] перевешивают позитивы». Даже полуофициальные российские аналитики подтверждают это, отмечая, что «если Азербайджан присоединится к Таможенному Союзу, то это будет одновременно с Турцией, и это будет несомненно из-за характера азербайджанской экономики».¹⁴ Однако, один из азербайджанских экспертов находит, что «Более сильная, чем в 1990-х Россия может дальше усилить свое геополитическое давление разными,

---

¹⁴ E. Ismayilov, "Russia Expects Azerbaijan's Accession to Eurasian Customs Union Jointly with Turkey," *Trend*, 11 October 2013, доступно на <http://en.trend.az/capital/business/2200218.html>; and Starr, et al., *Putin's Grand Strategy*.

иногда утонченными методами так, чтобы разработать и осуществить разрешающие проблемы сценарии, которые будут соответствовать не только российским интересам, но и интересам всех ее постсоветских соседей. Такой шаг может заставить политических лидеров стран СНГ принять правила игры Кремля и в итоге интегрировать свои страны в Евразийский Союз.¹⁵ Такие позиции очевидно связаны с неспособностью Запада предложить жизнеспособные решения затянувшихся конфликтов на Южном Кавказе, в частности конфликта в Нагорном Карабахе, тогда как Россия способна (но все еще не имеет желания) убедить Баку и Ереван пойти на мирное улаживание. Это укрепляет точку зрения, что Запад должен проактивно принять участие в разрешении конфликта на Южном Кавказе.

Запад может начать закладывать основы для поддержки постконфликтного регионального экономического сотрудничества на Южном Кавказе, и в то же время «в своих отношениях с восточными партнерами, ЕС следует избегать принуждения к выбору между ним и Москвой, вместо этого подчеркивая преимущества более тесных отношений».¹⁶ Таким образом он может обойти дилемму европейской или евразийской интеграции и внести существенный вклад в мирное разрешение затянувшихся конфликтов. Мирная концепция для Южного Кавказа, усиленная комплексным, интегрированным и устойчивым сотрудничеством, в конечном итоге позволит свободное движение людей, товаров, услуг и капитала на региональном уровне. Она может привести к экономической интеграции и открытию всех ныне закрытых границ. ЕС конкретно может работать над разработкой вариантов для гармонизации европейской и евразийской интеграционных нормативных систем, основываясь на заинтересованности Турции в существовании зон свободной торговли, как с ЕС, так и с ЕЭС, и на желании Армении в качестве нового члена держать дверь широко открытой для более тесного сотрудничества с ЕС. Грузия и Азербайджан, возможно, также поддержат эту позицию, полагая, что они могут рассматривать ее как ключевой элемент, в конечном итоге ведущий к разрешению затянувшихся конфликтов на их территориях.

Заключение

После окончания Холодной войны Южный Кавказ плавает в бурных и неизведанных водах. Страны этого региона глубоко разделены в отношении своих приоритетов относительно региональной интеграции. Нынешнее геополитическое соперничество между Россией и Западом подняло ставки на будущее этого региона и породило новые политические, экономические и связанные с безопасностью риски и вызовы. В этой статье были указаны некоторые из них и были предложены пути, следуя которым Запад может помочь уменьшить эти риски, встретить вызовы и воспользоваться возможностями.

¹⁵ Elkhan Nuriyev, "How the West Helps Putin Fulfill His CIS Strategy," *Moscow Times*, 6 April 2014, доступно на <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/how-the-west-helps-putin-fulfill-his-cis-strategy/497604.html>.

¹⁶ Inayah, et al., *Regional Repercussions*.

Становится все более очевидным, что в результате украинского кризиса Запад будет стремиться к предотвращению попыток России «ресоветизировать» Восточную Европу и Центральную Азию новой стратегией «сдерживания евразийской интеграции». Оборонные аспекты этой стратегии приобрели очертания на саммите НАТО в Ньюпорте в начале сентября 2014 года. Разворот в обратную сторону усилий Армении по европейской интеграции и ее последующая интеграция с ЕЭС сделали Южный Кавказ спорной зоной. Следовательно, очень скоро появятся руководящие положения для сдерживания евразийской интеграции Южного Кавказа.

Основные положения этой работы указывают на то, что фокусом новой западной стратегии на Южном Кавказе должен стать конструктивный подход равновесия сил. В этом плане, разрешение затянувшихся конфликтов должно стать ключевым приоритетом для Запада. Такой подход мог бы, с одной стороны, остановить российские геополитические игры в регионе и, с другой стороны, может открыть дверь к созданию новых правил и механизмов европейской безопасности в зоне ОБСЕ. Для этого надо рассмотреть возможность, что Запад примет на себя более проактивную и творческую роль, предполагающую участие России и Турции в эффективном разрешении конфликтов. К примеру, Запад может поставить основы для устойчивого постконфликтного регионального экономического сотрудничества на Южном Кавказе в качестве способа обойти дилемму постсоветских государств, попавших в капкан европейского и евразийского конкурентных интеграционных процессов. Чтобы сохранить свою адекватность в Евразии, Западу придется несколько приглушить критицизм к региональным игрокам с «недемократическими системами управления», предлагая минимальные стандарты для гражданских прав. Вместо этого, он скорее должен прагматически защищать свои региональные экономические интересы и интересы, связанные с безопасностью, стремясь к новым региональным договоренностям в соответствии с общими интересами и не обязательно в соответствии с общими ценностями.

В какой степени Запад, Турция и Россия готовы для конструктивного баланса сил вместо нынешних конкурентных подходов на Южном Кавказе, на этом этапе неясно. Как показывает история, высшие чиновники часто находят соперничество более привлекательным, чем сотрудничество, так как последнее подразумевает отказ от достижения некоторых целей для достижения компромисса. Часто, однако, забывают, что риск потерять все при противоборстве выше, чем риск потерять нечто при сотрудничестве. К несчастью, иногда необходим кризис или даже война, чтобы понять разницу в амплитудах упомянутых рисков. Лидерам Запада, Турции и России нужно решить, каким должен быть лучший политический выбор не только для их стран, но и для всех кавказских государств.

Литература

"How the West Helps Putin Fulfill His CIS Strategy(link is external)." *The Moscow Times* (2014).

A Strategy for Europe's Neighborhood In Europe Program Policy Brief. The German Marshall Fund of the United States, 2014.

Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation(link is external). Moscow: The Kremlin, 2005.

Dealing with a Rising Power: Turkey's Transformation and Its Implications for the EU. Brussels: Centre for European Studies, 2012.

Freedom in the World 2013: Democratic Breakthroughs in the Balance(link is external). Freedom House, 2013.

Freedom in the World 2014(link is external). Freedom House, 2014.

Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2014.

Regional Repercussions of the Ukraine Crisis. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States, 2014.

Russia Expects Azerbaijan's Accession to Eurasian Customs Union Jointly with Turkey(link is external). Trend, 2013.

Strategic Priorities for EU Defence Policy In FRIDE Policy Brief., 2013.

The Evolving Challenges in Eurasia(link is external) In Brief Analysis. Center for East European and Asian Studies, 2013.

Turkey and the EU: What Next? In "On Turkey" series. The German Marshall Fund of the United States, 2012.

Turkish Foreign Policy Evolution and Goals under the AKP Government(link is external). Balkanalysis.com, 2012.